

Эта статья была не из лёгких, и Чэнь Шучжи потратил много времени, чтобы разобрать её содержание:

Согласно тому, что ты написал в своей статье, я уже отправил людей в Юнчжоу для проверки. Действительно, в области Пинлян существует множество дополнительных налогов, и некоторые крестьяне с трудом сводят концы с концами. Однако я не могу напрямую изменить налоги или вернуть собранное зерно.

К счастью, в этом году в нескольких юго-западных провинциях был избыток урожая риса, и я приказал отправить часть его в Юнчжоу. Это временная мера, чтобы предотвратить голод. Я также отправил тебе связку риса, чтобы ты мог убедиться в этом.

Я рассказываю тебе всё это, чтобы выразить своё уважение. Когда я впервые прочитал твою статью, я был глубоко впечатлён. Моё решение действовать было частично вдохновлено твоим духом.

Дойдя до этого места, он открыл вторую коробку, где в наборе для письма лежала кисть. Она не выглядела дорогой. На ручке были выгравированы маленькие иероглифы, которые он внимательно рассмотрел: «Чистота сердца».

Чэнь Шучжи тихо усмехнулся. В прошлый раз он просил не дарить ему дорогих вещей, и на этот раз рис, кисть и фонарь были действительно скромными.

Он провёл пальцами по связке риса, ощущая каждое зерно, и почувствовал слабый аромат полей.

Он действительно отправил рис из юго-западных провинций в Юнчжоу? Эти зёрна действительно спасли чьи-то жизни? Когда он писал ту статью, это было лишь порывом гнева, но он действительно услышал его? Он сделал это из любви к народу, а не по какой-то другой причине?

И эта кисть, «Чистота сердца» — похоже на осторожный комплимент, который пытается выразить многое, но не может сказать всего, поэтому звучит обобщённо и красиво, чтобы никого не обидеть.

Если судить по его словам и подаркам, вся эта история выглядит так, будто он, рискуя жизнью, написал статью, чтобы посоветовать императору, спасая народ от бедствий, и в итоге император похвалил его за благородство, создавая картину идеальных отношений между правителем и подданным.

Но если он действительно намерен усердно править, почему он не ищет своё предназначение в широком мире, а тратит столько усилий и ресурсов, чтобы выманить у него, ничтожного человека, его скромные мысли?

Что такого важного в том, как он, ничтожный человек, думает о нём и относится к нему?

Чэнь Шучжи смотрел на вещи в руках, не понимая, что именно он задумал.

*

— Чэнь Шучжи! Что с тобой происходит, опять нет твоей статьи?

Чэн Вэй швырнул стопку бумаг на стол, гневно крича.

— Что?

Чэнь Шучжи невинно поднял глаза.

— Вчера не сдал, позавчера не сдал, и сегодня опять нет! Если ты не хочешь оставаться в Академии Ханьлинь, просто скажи, и я найду тебе другое место.

Чэнь Шучжи, засунув руки в рукава, подошёл к столу и начал перебирать бумаги, нахмурившись:

— Я никогда не пропускал сдачу ежедневных статей...

— Тогда почему их здесь нет?

Чэн Вэй говорил с презрением.

Он действительно не нашёл свою статью среди бумаг. Он вспомнил, что сдал её, но куда она потом делась, он не знал. Среди стопки бумаг в Академии Ханьлинь, где так много людей, любой мог легко взять несколько листов, и это невозможно было предотвратить.

Что хорошего в том, чтобы забрать его статью? Чтобы заставить его выслушать ругань Чэн Вэя? Возможно, для тех, кто имел с ним старые счёты, видеть его ругань было приятно.

Но у Чэнь Шучжи не было доказательств, поэтому ему пришлось считать, что он не сдал статью. Он вспомнил, что написал в предыдущих статьях, и предложил:

— Я всё помню, могу переписать и сдать Вам?

— Не нужно, — Чэн Вэй махнул рукой, отпуская его. — Просто напиши сегодняшнюю статью и сдай завтра.

Сегодняшняя статья была непростой, потому что это была поминальная речь. Если в будущем он попадёт в Министерство ритуалов или Приказ императорских жертвоприношений, где проводятся многочисленные церемонии, написание поминальных речей будет неизбежным.

Чэнь Шучжи сидел на веранде, размышляя. За все годы учёбы никто никогда не учил его, как писать поминальные речи, он даже не читал их, и не знал, с чего начать, особенно когда эта статья должна была восстановить его репутацию за последние три дня.

После обеда он отправился в Зал Суинь. В последнее время Лян Хуань, если у него не было дел во второй половине дня, приходил в Академию Ханьлинь и забирал его на чердак Зала Суинь. Там он писал статьи, заданные Чэн Вэем, а Лян Хуань сидел напротив и читал доклады.

Сначала Чэнь Шучжи был недоволен, чувствуя себя неловко в его присутствии и не мог сосредоточиться на письме. Но со временем он заметил, что Лян Хуань говорил с ним только о государственных делах, никогда не упоминал их прошлое и больше не прикасался к нему. Единственной его милостью было приносить еду, и постепенно он привык.

В воздухе ранней весны чувствовалась лёгкая пыльца, словно тепло весны было вплетено в него и проникало в лёгкие.

Чэнь Шучжи, одетый в форму Академии Ханьлинь, шёл по двору, где только начинали появляться первые побеги. Он поднялся на чердак Зала Суинь и, выглянув из-за лестницы, увидел, что Лян Хуань дремал, облокотившись на стул.

Он боялся разбудить его, поэтому тихо сел за стол, разложил перед собой чистый лист бумаги и уставился на него.

Лян Хуань уже давно проснулся, но притворялся спящим, наблюдая за ним из-под полуприкрытых век. Наконец, он не выдержал и лениво сказал:

— Сегодняшняя тема — «Сидеть у пня и ждать зайца»?

Увидев, что он открыл глаза, Чэнь Шучжи полностью проигнорировал его шутку, положил кисть на стол и опустил на колени, склонив голову:

— Ваше Величество.

Лян Хуань сел прямо, протирая сонные глаза:

— Вставай, садись. Расскажи, что опять Чэн Вэй тебя достал?

— Чэн Вэй поручил написать поминальную речь для весеннего жертвоприношения, но я никогда не писал таких статей. Чистый лист лежал передо мной полчаса, и я не смог написать ни слова.

Чэнь Шучжи опустил глаза.

Он понял, что Лян Хуань был прав: чем дольше они проводили время вместе, тем больше он привыкал к почтительности, которую должен проявлять к нему, и говорил больше, не опасаясь нарушить этикет.

Лян Хуань задумался, а затем вдруг сказал:

— Поминальная речь? Может, считаешь несколько примеров? Я отведу тебя в Павильон Хунвэнь!

Павильон Хунвэнь был местом, где хранились государственные документы: указы, доклады и различные статьи за многие годы, доступные для изучения. Такое место было не для всех, и Чэнь Шучжи понимал, что это была его милость, но не хотел принимать её:

— Мне туда не по рангу.

— Я тебя провожу, какая тут разница? Ранги я сам устанавливаю.

Лян Хуань поднял бровь, взял его за руку и повёл за собой:

— Пойдём сейчас, быстрее прочитаешь, и у тебя будет больше времени на написание.

Поскольку он настаивал, Чэнь Шучжи не стал сопротивляться и позволил ему спуститься вниз.

Павильон Хунвэнь находился недалеко от Академии Ханьлинь. Войдя внутрь, они увидели десятки рядов полок, заполненных документами. Комната была забита, но не казалась мрачной, солнечный свет проникал через окна, смягчая атмосферу среди огромного количества книг.

Полки в Павильоне Хунвэнь были расставлены по годам правления, и в каждом году документы были разделены по категориям. Чэнь Шучжи подумал, что слишком старые тексты могут быть непонятны, поэтому решил начать с поминальных речей эпохи Чжэньсянь, предыдущего

правления.

Поминальных речей было мало, и за эпоху Чжэньсянь они занимали лишь узкий ряд полок. Чтобы сэкономить место, их поставили в первом ряду.

Чэнь Шучжи залез на полку и начал просматривать тексты, а Лян Хуань, стоявший за ним, хотел помочь:

— Что именно ты ищешь? Я тоже могу поискать.

Чэнь Шучжи едва не вырвалось: «Не мешай», но он прикусил язык, спокойно ответив:

— Отдохните, я сам справлюсь.

Он не позволил помочь, и Лян Хуань не стал настаивать, но и не ушёл отдыхать. Вместо этого он встал позади Чэнь Шучжи и наблюдал за ним. Затем он обошёл полку и смотрел на его сосредоточенное лицо через щели.

Каждый раз, когда он смотрел на него, он замечал что-то новое. Его упрямая сосредоточенность среди полок обладала своеобразной элегантностью.

Вдруг вдалеке раздались шаги. Сначала они не обратили внимания, решив, что кто-то ещё пришёл за документами, но затем услышали голоса:

— Не падай духом, работа в Управлении по делам наследника временна, я тебе помогу. Не думай слишком много, просто выполни свою работу. В прошлом году эти молодые выскочки вели себя слишком дерзко, нужно поставить их на место.

— Эти выскочки смогли так себя вести только потому, что у них есть покровители...

Автор хотел сказать: Впереди детская коляска~

<http://bllate.org/book/16213/1455891>